

Илья Ильф, Евгений Петров

***Бледное дитя
века***

МУРАВЕЙ

Трамвайная остановка в так называемые часы пик не представляет собой ничего привлекательного.

Не услышишь тут от граждан тонких высказываний о том о сем, не увидишь здесь изящных жестов. Напротив, движения граждан порывисты, глаза светятся недобрым огнем, рука сама собой складывается в кулак.

И достаточно только трамваю показаться из-за угла, как ожидающие начинают пританцовывать на месте, словно нервный голкипер в воротах.

Раздаются пошлые крики о том, что впереди свободно, и все прочее, что обычно говорится в таких случаях. О, как скучно садиться в трамвай в часы пик! Гораздо приятнее созерцать небо в часы заката.

Странные разговоры ведутся в толпе, поджидающей трамвай.

- Бернардов, это вы?
- А, здравствуйте, дружок. Давно в Москве?
- Недавно. А вы?
- Ну, я давно.
- Откуда у вас этот костюм?
- Что, нравится?
- Нравится. Сколько вы за него заплатили в переводе на золото?
- В переводе — не знаю. Купил в распределителе водников. За шестьдесят пять рублей.
- Разве вы теперь водник?
- Нет, я не водник. Я состою в горкоме писателей.

— Это, должно быть, очень интересно, романы, повести... Вы знаете, я сам немножко работаю в области литературы. Но куда мне до вас? Я все больше в стенгазете, а вы художник слова, писатель.

— Нет, я не писатель.

— Вы ж говорили, что писатель.

— Нет, я только считаюсь писателем, я обедаю в писательской столовой.

— Где же вы работаете?

— Вообще я числюсь по Энкапеесу.

— Ах, вы железнодорожник!

— Нет, я не железнодорожник, я только получаю там бесплатный проезд по железной дороге, а основная моя работа в Стройнадзоре.

— Вы строитель? Инженер? Техник? Как я вам завижусь. Вы закладываете фундамент новой жизни? Вы планируете города?

— Что вы! Я только получаю там новую квартиру с газом. Больше ничего я для них сделать не могу. Я очень занят. У меня массу времени отнимает автогараж.

— Ах, вы заведуете гаражом?

— Нет, заведует гаражом мой знакомый. Вот я все время и трачу на то, чтобы он бесплатно перевез мою мебель в новую квартиру.

— Значит, вы не работаете по автотранспорту?

— Никоим образом, я вам уже говорил. Вообще-то, я ближе всего к пожарному делу.

— Вы тушите пожары?

— Нет, я только получаю там молоко.

— Молоко?

— Да, молоко. Видите ли, пожарная профессия очень вредная для здоровья, и там выдают молоко.

— Молоко?

— Ну да, молоко. Так устаешь каждый день ездить с бидонами за этим молоком в Суцевскую часть...

Честное слово, буду требовать, чтоб меня перевели в центр, в Кропоткинское депо. Так устаешь...

— Устаешь?

— Ужасно устаешь от всей этой сутолоки, беготни и криков. Вы не поверите, как приятно после всего этого придти к себе, в клуб глухонемых, и поужинать.

— Вы глухонемой?.. Позвольте, какой же вы глухонемой?

— А я и не глухонемой. Я только член секции глухонемых. Это очень удобно. Во-первых, у нас, у глухонемых, чудный клуб, ужин из четырех блюд — четырнадцать копеек. Во-вторых, тихо. Вы знаете, что такое глухонемые? Прямо скажу, не ораторы. Весь вечер молчат. А?

— Да нет, я ничего.

— Ну, адье. Мой трамвай.

— Куда же вы с передней площадки? Оштрафуют.

— Меня? Я езжу как член Моссовета.

— Ф-фу, наконец понял. Вы член Моссовета.

— Нет, я не член Моссовета. Я только езжу как член Моссовета. Но, конечно, и это ужасно утомляет. И если бы не отдых в санатории Совнаркома, я бы совсем выбился из сил.

— Вы член правительства?

— Да нет, я не член правительства. Я же вам объяснил — я член горкома писателей по разряду титанов художественной мысли с правом бесплатно лечить зубы.

— Что же вы? Мыслите?

— Пока только лечу зубы.

— Но вы все-таки писатель?

— Да ничего подобного. Полчаса вам объясняю, а вы не можете понять. До свидания!

И трамвай умчался в серо-голубую весеннюю даль.

Ох уж эти трамваи!..

ДУША ВОИ

Вечером на прохладной улице один гражданин бьет другого гражданина.

Гражданин, которого бьют, недоволен.

— Убивают, — кричит он, растерянно поглядывая по сторонам.

Гражданин, который бьет, тоже недоволен.

— Что же ты кричишь? — спрашивает он, нанося последующие удары. — Не кричи, а то душу выну.

Второй гражданин, оказавшийся в затруднительном положении (будет кричать — убьют, не будет кричать — тоже убьют), подымает отчаянный визг.

Собирается большая меланхоличная толпа и молча смотрит.

— Спасите! — надывается жертва.

Толпа безмолвствует.

Ободренный общим молчанием, хулиган приводит в исполнение свою угрозу — начинает вынимать из «другого гражданина» душу.

Душа покидает свое место со стонами и криками.

— Что же вы стоите, черти! — верещит душа. — Не видите, человека убивают?!

Толпа отлично видит.

Но на всякий случай молчит.

— Зачем впутываться не в свое дело! — бормочут в толпе.

Процесс вынимания души длится до прихода милиционера.

Тут толпа проявляет необыкновенное оживление. Все разбегаются. Не то еще в свидетели возьмут.

Из милиции хулигана отпускают через полчаса. Свидетелей нет. И кто кого бил, понять невозможно.

На другой вечер хулиган ловкими движениями вынимает душу из следующего гражданина.

Вечером в прохладном помещении клуба идет заседание по чистке финансового учреждения. Один товарищ, стоящий перед столом, забивает баки другому товарищу, сидящему за столом.

Товарищ, которому забивают баки, недоволен.

— То, что вы отмежевались от своих родителей, мне известно, — говорит он, — и это не так важно. Расскажите нам, как вы работаете!

Товарищ, который забивает баки, тоже недоволен.

— Так вот и работаю, — говорит он обиженно, — работаю, можно сказать, не покладая рук, как полагается!

— Все это общие фразы, — морщится товарищ за столом. — Вы введите нас в курс своей работы.

Большая меланхоличная толпа сидит на скамьях и молчит.

— Кто хочет высказаться, товарищи?

Толпа безмолвствует.

Ободренный общим молчанием, первый товарищ начинает выматывать душу у председателя. Он уныло бубнит о своих общественных заслугах: организация кружка мандолинистов и одна стенгазетовская заметка «Почему чай подается без сахара?».

— Что же вы молчите, товарищи? — кричит председатель, обращаясь к толпе. — Разве вы не знаете, что это бюрократ?

Толпа отлично знает.

Но молчит. На всякий случай.

— Зачем впутываться не в свои дела! — бормочут
на задних скамьях.

Мало-помалу все расходятся.

Бюрократ остается на службе.

И на следующее утро он лениво глотает чай, умышленно не глядя за перегородку, где уже полтора часа топчутся растерянные посетители.

1929

СОРЕВНОВАНИЕ ОДИНОЧЕК

Параллельно начатому недавно соревнованию между заводами стали состязаться между собой и отдельные граждане нашего отечества.

Но в то время, как предприятия соревнуются на лучшую работу, граждане-одиночки из кожи лезут, чтобы совершить что-нибудь побезобразней.

Турнир начал Липпер, рабочий мариупольского завода имени Ильича. Фантазия у этого человека оказалась небольшая — он проглотил пятак царского образца и от этой болезни лечился почти два месяца, что стражкам обошлось в 138 рублей.

Трудно, конечно, поверить тому, что взрослый человек глотает царские пятаки по неосторожности. Взрослые люди глотают только шпаги, да и то с целью извлечения доходов. Но откуда же в Мариуполе быть шпагам? Пришлось Липперу удовольствоваться медяком. Но в остальном он не прогадал. Доходу его от этого дела позавидует любой шпагоглотатель.

Соревнование продолжил главный бухгалтер бобруйского кустпромхоза Ревзин. Но то ли Ревзин не нашел подходящей монеты, то ли пожирание аннулированных денежных знаков показалось ему вообще пошлым занятием, но бухгалтер пошел по другой линии.

На собрании по случаю Международного дня работницы бухгалтер терпеливо прослушал все речи о раскрепощении женщины, а потом встал и, сверкая одухотворенными глазами, заявил:

— Уважаемый докладчик не полностью осветил женское движение. Были женщины гораздо активнее теперешних. О них надлежит сейчас же вспомнить. Например, Екатерина Великая или председательницы разных благотворительных обществ, например!

Кто знает, чего бы еще не наговорил главный бухгалтер. Может быть, от веселой Екатерины он перешел бы к воспоминаниям о Мессалине. Может быть, предложил бы он даже почтить память Мессалины вставанием, но, подняв свои одухотворенные глаза, бухгалтер заметил смущение в рядах слушателей и прервал свою речь на самом интересном месте.

Тоска бухгалтера по активным женщинам оказалась, впрочем, необоснованной. Есть еще у нас женщины с сильным характером.

Милиция арестовала акушерку Алексееву, занимавшуюся нелегальными абортами в станице Пашковской, вблизи Краснодара. От сделанного ею аборта в это время умирала крестьянка Горбань.

На другое утро в пашковскую милицию явилась дама в перчатках и накинулась на милиционера с таким пылом, что бедняга принял ее за Екатерину Великую. Дама оказалась, однако, чином повыше.

— Как вы смели арестовать мою маму? — кричала она. — А известно ли вам, что я жена завокрторгом Осипова! Немедленно освободите мою маму!

Но милиционер не захотел освободить виновницу множества варварских аборт, маму великой женщины в перчатках, за что и был обозван полицейским.

Нарсудья Савин тоже не уважил незаконной просьбы. Уже через полчаса после этого он понял, что дама сбегала еще кой-куда, потому что в милицию прибежал очень возбужденный начальник адмотдела Вождев и потребовал освобождения мамы жены завокрторгом. Не преуспев в этом, начальник удалился.

А любвеобильная дочь работала вовсю. Еще через полчаса в милицию вошел следователь Кондратьев и распорядился освободить маму ответственной жены, заявив, что так велел прокурор Раусов.

А дочь продолжала работать. Явился нарочный из города и вручил нарсудье бумажку от врид.-пред. кубокрсуда Порукова. Врид.-пред. требовал от нарсудьи явки к нему с докладом по делу акушерки.

А еще через день умерла крестьянка Горбань.

Так в один день из-за тещи завокрторгом был поднят на ноги чуть ли не весь окружной аппарат.

Но все эти безобразные достижения превзошел коллектив «Заря свободы» в станице Петровской Кубанского округа.

До 1927 года в коллективе применялись розги. Без этого заря свободы казалась руководителям артели неполной. Провинившимся всыпали от пяти до двадцати розог, смотря по проступку. Теперь наказанием служат поклоны в молитвенной комнате — виновники кладут до трехсот поклонов и больше.

Другие прелести «Зари свободы» заключаются в запрещении членам артели жениться. Руководители-сектанты выгоняют женившихся из коллектива.

Наряду с этим сектантские главари не гнушаются принимать от безбожного правительства большие кредиты.

Мариупольскому глотателю пятаков остается только завидовать. На состязании он остался далеко позади полномочной жены завокрторгом. А о лаврах «Зари свободы» ему даже и мечтать нельзя.

КАБИНЕТ ВОСКОВЫХ ФИГУР

Экспонаты Музея восковых фигур поражают зрителя сходством своим с живыми существами.

Ужаленная змеей египетская царица Клеопатра тяжело дышит. Император Нерон с необыкновенной естественностью рассматривает публику в изумруд. За столом сидит обезьяна в цилиндре и читает газету.

Все как будто живет натуральной жизнью, и в то же время все мертво и представляет только видимость жизни.

Есть такой музей и в Самаре.

Сначала экспонаты его кажутся живыми. Ведь они имеют фамилии, они служат и получают жалованье. Наконец, это члены и кандидаты партии.

Но на деле оказывается, что работа их — только видимость работы, а коммунистичность — призрачна.

И чем больше эти фигуры работают и скандалят, тем больше убеждаются в том, что они мертвы.

Экспонаты самарского музея будут изображены в наиболее типичных для них позах.

Фигура партийного служащего окрместхоза Юдина предстанет перед нами в ту минуту, когда он явился в зуболечебницу на Некрасовской улице и потребовал принять его детей безо всякой очереди.

Коротко говоря, коммунист во что бы то ни стало требовал нарушения порядка.

Получив отказ, он кинулся к жалобной книге и, напирая в записи на свою партийность, требовал снять заведующего с работы. Дикое бурбонство Юдина вызвало среди ожидавших больных возмущение.

Петр Александрович Болонкин, юрисконсульт Союзхлеба, — одна из любопытнейших фигур Самары.

На службу фигура является иногда весьма навеселе. Выезжает в область на суд и к разбору дела не является. Дело проваливается, хотя получены суточные, квартирные и прочие сладостные суммы.

Сутяжничество Болонкина непостижимо. Он оспаривает законные иски, защищает незаконные увольнения и вызывает этим лишнюю трату на судебные расходы. Незаконность действий конторы по Самаре и округам всегда защищается Болонкиным.

Е. Е. Морозова работает среди членов правления Коопинсоюза. Грубостью своей вызывает трепет в служащих и инвалидах. Провела неудачное, вызвавшее недовольство инвалидов укрупнение артелей, где дрожжевиков соединили с сапожниками, столярами, столяров и плотников с торговцами из комиссионного магазина.

По ее распоряжению в артель был принят председателем неинвалид Пермяков, пьянствовавший неделями и доведший артель имени Галактионова до критического состояния. Только после длительных жалоб инвалидов Пермякова сняли.

В деревнях, где Морозова бывала по командировкам, она оскорбляла крестьян, называла их болванами и мужичьем. Это вызвало жалобу крестьян.

Музей богат. Есть там и Митлер, предместкома СТС по частным предприятиям, ретивый защитник бывших торговцев, спекулянтов и лишенцев. Есть и Аникин, управделами Союзхлеба, зажимающий неугодных

ему людей, гонитель рабкоров, злостный нарушитель законов о труде.

Самарские фигуры суетятся, стараются во что бы то ни стало показаться живыми, кому-то нужными, но на деле все эти люди мертвы, бесполезны, и лучшее для них место — Музей восковых фигур, рядом с вечно дышащей Клеопатрой и обезьяной, вечно делающей вид, будто она читает газету.

1929

КООП-ГЕНЕРАЛЫ

Общество транспортных бюрократов под названием: «Мне все равно. Лопайте что хотите». — Содружество чинуш и лентяев: «А мы просо вытопчем, вытопчем».

Давно пора дать некоторым учреждениям их настоящие имена.

Что, например, значит вот такое название:

«Правление Транспортного Потребительского Общества Казанской жел. дороги».

Ничего за этим названием нет, и само название обманное.

По справедливости это учреждение должно носить такой титул:

«Общество транспортных бюрократов под названием: „Мне все равно. Лопайте что хотите“».

Есть еще на свете и «Раменское общество потребителей». И у этого общества название фальшивое. Ничего оно для потребителей не делает и делать не хочет.

Настоящее название этому обществу должно быть совсем другое:

«Содружество чинуш и лентяев».

В районе Казанской железной дороги, в поселке Прозоровка, строится санаторий Цустраха.

На постройке занято пятьсот рабочих. Все они сидели без горячей пищи.

Срочно нужно было открыть столовую.

Правление ТПО Казанской дороги открыть столовую отказалось. «Раменское общество потребителей» открыть столовую соглашалось, но просило передать

ему всю торговлю на станции Прозоровка. Иначе, мол, будет убыточно.

Тогда стали улещивать кооп-генералов.

— Мы вам помещение под столовую дадим бесплатно.

— А мы все равно отказываемся!

— Освещение и оборудование тоже бесплатно отпустим.

— Нет. Не надо нам. Лишняя столовая, лишние хлопоты.

— И топливо даром дадим.

— А мы все равно столовой не откроем.

Так и продолжался разговор в духе:

— «А мы просо сеяли, сеяли!»

— «А мы просо вытопчем, вытопчем».

Ничем нельзя было смягчить жестокие кооперативные сердца. На указание о том, что нельзя оставить пятьсот человек рабочих без пищи, последовал обычный возмутительно холодный ответ.

Для укрощения строптивых потребительских организаций пришлось прибегнуть к помощи прокурора Московской губернии.

Долго ратовал прокурор, и долго сидели на сухоедении прозоровские сезонники. Наконец в ход были двинуты последние силы — прокурор заговорил о привлечении виновных к ответственности.

Тогда только ТПО открыло столовую, о чем и сообщило прокурору тов. Шумяцкому в форме довольно наглой.

Суть письма тепеовцев сводилась вот к чему:

а) мы эту столовую открывать обязаны не были,

б) но мы ее открыли, так сказать, в виде личного одолжения. Так что вы имейте в виду. Знайте нашу доброту.

Итак, после всего происшедшего ТПО считает, что открытие рабочей столовой есть с его стороны акт величайшего милосердия, а отнюдь не прямая обязанность.

Если так, то к чему называться «Потребительским обществом»?

Каждое учреждение должно получить свое настоящее название.

Для ТПО Казанской дороги читатели сами быстро найдут его!

1929

УБЕРИТЕ ВАШИ КОТЛЕТЫ

Вот вы писатель. Сидите дома, создаете, по мере сил, разные высокохудожественные произведения, роман или частушку. В общем тихая, трудолюбивая жизнь. Не успеваешь подливать чернила в чернильницу из зеленого бутылочного стекла. Все идет хорошо.

И вдруг приносят бумагу. Спешно, срочно, в собственные руки, с распиской на конверте, с просьбой обязательно ответить.

Письмо из Интуриста. Что нужно этой обширной организации, что там у них наболело?

«Уважаемый товарищ, в начале апреля с. г. исполняется 5 лет существования Интуриста».

Очень, очень мило с их стороны поставить в известность. Придется и нам, когда исполнится восьмилетие нашей литературной деятельности, известить эту обширную организацию. Любезность за любезность.

Однако что же дальше?

«Советский Союз посетили десятки тысяч иностранцев... Работа Интуриста, связанная с обслуживанием этой огромной массы иностранцев, находит яркое освещение на страницах периодической печати Европы и Америки».

Ну, не такая уж огромная масса, десятки тысяч за пять лет! Могли бы и сотни тысяч обслужить. Впрочем, ладно.

«...В некоторых странах Интурист больше известен, чем у себя дома. Объясняется это главным образом

тем, что наша советская печать почти не уделяет внимания работе Интуриста».

Вот это верно. Наша печать, наряду с достижениями, конечно, имеет недочеты, недостатки и неполадки. Этого отрицать нельзя.

«Для того чтобы дать московским журналистам и писателям возможность ознакомиться с постановкой работы в учреждениях Интуриста, правление приняло решение провести 26 марта с. г. для представителей прессы туристический день, в течение которого участникам будет продемонстрирована разнообразная программа нашего типичного культурного, политического и материального обслуживания».

Очень, очень интересно! Так сказать, пробный выход колхоза в поле, проверка тягловой силы.

«Примерная программа:

в 9 час. утра — сбор в Красном зале „Метрополя“,

в 9 час. 15 м. — завтрак,

в 10 ч. 30 м. — осмотр гостиниц и подсобных предприятий Интуриста,

в 2–3 часа — ленч,

в 3–6 ч. — объезд города на автокарах,

в 6 ч. — обед.

Просьба заранее подтвердить ваше согласие по телефону 16–50, доб. 33. Правление».

Какой радостный и типичный для писателей культурный праздник!

Веселый сбор, рога трубят — и сразу же завтрак. Некоторым образом стимулирование советской печати. Кроме того, не осматривать же гостиницы и подсобные предприятия на пустой желудок. Заскучаешь!

Потом ленч, второй завтрак. Это что же? Опять стимулирование печати котлетами «маршалль»? Опять выправление линии советских газет?

Затем мы достигаем вершин политического, чисто идейного обслуживания: будет объезд писателями города на автокарах. Что они — иностранцы, чтоб объезжать город, в котором живут с детства и знают лучше интуристовских гидов?

Но за этот неблагодарный труд предлагается обед. Начало в шесть часов. Конец обеда не обозначен. Будут есть и чокаться, пока... не изживут все неполадки советской печати.

Наутро, по замыслу организаторов «туристического дня», опохмелятся и отобразят на страницах газет все достижения в работе Интуриста.

Что ж делать? Просили позвонить заранее. Надо, надо, раз просили.

— Алло! Дайте 16–50. Спасибо. Добавочный 33. Здравствуйте. Да, читали. Значит, завтра будет типичный праздник? Обязательно? А может, отложим? А? На неопределенное время, а? Никак нельзя? Уже все готово? Вошли в расходы? Ржавеют типичные котлеты? Очень жаль. А все-таки давайте отложим. Или лучше даже совсем отменим. А недочеты печати изживем как-нибудь сами, домашним способом, без ваших котлет.

1934

СОДЕРЖАНИЕ

Илья Ильф, Евгений Петров БЛЕДНОЕ ДИТЯ ВЕКА

Муравей	7
Душа вон	10
Соревнование одиночек	13
Кабинет восковых фигур	16
Кооп-генералы	19
Уберите ваши котлеты	22
Человек умер	25
Регулирование уличного веселья	28
Прошлое регистратора загса	31
Пташечка из «Межрабпомфильма»	52
Бледное дитя века	56
В золотом переплете	60
Мне хочется ехать	64
Человек в бутсах	68
Горю — и не сгораю	73
Когда уходят капитаны	79
Сквозь коридорный бред	86
Четыре свиданья	92
Как создавался Робинзон	97
«Зауряд-известность»	102
Веселящаяся единица	107
Равнодушие	115
Головой упираясь в солнце	125

Человек с гусем	130
Журналист Ошейников	136
Рецепт спокойной жизни	141
Костяная нога	146
Тоня	153

Илья Ильф
ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Весна	201
Ассортимент «четырёх королей»	203
Как погиб Чебыкин <i>Действительное происшествие в 7 главах с эпилогом</i> ...	206
Пуритане и барабанщики	210
Древо познания	215
Рыболов стеклянного батальона	218
«Маленький негодяй»	222
Случай в конторе	227
Разбитая скрижаль	233

Евгений Петров
ЗАГАДОЧНАЯ НАТУРА

Грехи прошлого	239
Мистер Фингльтон и его дочь <i>Из неоконченного романа</i>	244
Веселые ребятки	249
Неуловимый герой труда. <i>Из редакционного быта</i> ...	253
Неравная борьба	256
Линия наименьшего сопротивления	261
Чествуют память... ..	265
Приятные исключения	268
Накладные расходы	272
Отработал	275
Бега по НОТу	278
Зверь из бездны	283

Драма в Бердичеве	
<i>Нечто о культурных достижениях</i>	284
Идейный Никудыкин	286
Гусь и украденные доски	
<i>Рассказ провинциального поэта</i>	289
Семейное счастье	297
Пропавший человек	319
Сильная личность	324
Последний из могижан	328
Проклятая проблема	333
Весельчак	339
Рассказ об одном солнце	344
Путешественник	351
Всеобъемлющий зайчик	357
Юморист Физикевич. <i>Исповедь редактора</i>	361
Даровитая девушка	365
Великий порыв	370
Встреча в театре	374
Дядя Силантий Арнольдич	378
Беспокойная ночь	383
Долина	389
Давид и Голиаф	
<i>Футбольный матч Украина – РСФСР</i>	396
Записная книжка	402
День мадам Белополюкиной	406
Энтузиаст	412
Открытое окно	417
Загадочная натура	423